

Яна Евгеньевна Пискарева¹ (7yana7@mail.ru)

МОХЭСКАЯ КУЛЬТУРА ЮГА ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

В статье рассматриваются отдельные аспекты социально-экономического развития мохэ. Анализируются имеющиеся данные по их расселению в южном Приморье, отмечается относительно высокая плотность мохэских поселений, указывающая на освоенность данной территории. Приводится классификация археологических памятников мохэской культуры по таким признакам, как наличие или отсутствие укреплений, общая площадь. На основе археологических данных выявляются аспекты гончарного производства — организационная форма, уровень стандартизации и разнообразия продукции (выделяются категории керамики по функциональному признаку), — что даёт возможность реконструировать его социально-экономическую форму. Исследование гончарного производства мохэ позволило прийти к выводу о том, что его развитие находилось на одной из переходных стадий от домашнего производства к ремесленному. Делаются предположения о сезонности производства и рынках сбыта.

Ключевые слова: мохэ, раннее средневековье, расселение, гончарство, экономика, поселение, городище.

Yana E. Piskareva¹ (7yana7@mail.ru)

MOHE CULTURE OF SOUTH PART OF FAR EAST: SOCIAL AND ECONOMIC ASPECTS

The article presents certain aspects of Mohe's social and economical development. Available data on Mohe's resettlement in southern Primorye was analyzed. A relatively high density of Mohe settlements, indicating the development of this territory, was noted. The absence of signs of buildings in dwellings may indicate their existence for a short period of time after which they were no longer used. Presumably, the settlements were used on a single occasion by one group of the population for several years, which may be in account with the extensive agricultural system. The study of Mohe pottery allowed to come to the conclusion that the development of Mohe's production (at least, pottery) appears to be at one of the transitional stages from home production to craft.

Keywords: Mohe, early middle ages, resettlement, pottery, economy, settlement, ancient wall town.

¹ Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия.
Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia.

Социально-экономические реконструкции в археологии всегда были сложной задачей, требующей изучения многих компонентов материальной культуры с применением специальных методик. Существуют три вида археологических источников, на основе которых чаще всего проводятся подобные исследования: погребальные комплексы, остатки древних производств и система расселения.

Основная идея таких реконструкций заключается в том, что в материальной культуре есть определённые критерии, позволяющие выявлять социально-экономические аспекты жизни древних обществ. Например, материальные элементы погребального обряда могут характеризовать общественное положение покойного (Алёкшин 1986: 5). По богатству инвентаря, наличию «статусных» вещей, расположению комплексов, позе умершего и т.д. можно выявить стратификацию древних сообществ (Мастыкова 2015). Различные размеры поселений, их группировка и планиграфия также трактуются как маркеры социальной и экономической иерархии (Афанасьев 1987; Namerow 2002, 2009; Wickham 2005; Li et al. 2004). Размеры древних мастерских, их пространственная организация, уровень стандартизации и разнообразия продукции определяют социально-экономическую форму производства (Underhill 1991; Costin 1991, 2001).

Очевидно, что для подобных реконструкций необходима хорошо разработанная источниковая база, включающая большое количество памятников, что даёт возможности для сравнения и сопоставления. Источниковая база мохэской археологической культуры юга Дальнего Востока имеет свои особенности. За весь период изучения мохэ накоплен, безусловно, значительный по объёму материал, но по ряду причин он не всегда может служить основой для социально-экономических построений. Так, на юге Дальнего Востока изучался всего один могильник данной культуры добохайского времени (Лузановский), поэтому возможности для выявления социальной стратификации, по сути, ограничены материалами одного памятника. Но даже в этом случае оценить глубину социального расслоения мохэ не представляется возможным, так как материал из погребений весьма скудный. Он представлен в основном фрагментами лепных сосудов. Из исследованных 22 могил в 7 обнаружены фрагменты железных предметов (ножей, пряжек, наконечников стрел), в 1 — серебряное кольцо. Размеры погребений существенно не отличаются (Семин, Коломиец 2011). Возможно, мохэские могилы присутствуют и на раннесредневековом могильнике Чернятино-5, но этот вопрос требует отдельного рассмотрения.

Наиболее подходят для анализа и выявления некоторых социально-экономических аспектов мохэской культуры юга Дальнего Востока источники по структуре расселения и гончарству. Обе категории позволяют делать выводы на основе комплекса данных. Например, при определении способа производства учитываются не только остатки производств (печи, мастерские), но и сам продукт — керамика. Таким образом, хотя источниковая база и ограничена наличием всего одного памятника с гончарными печами (гончарные печи в бухте Троицы), имеющийся в нашем распоряжении керамический материал позволяет установить такие значимые аспекты,

как уровень стандартизации продукции, её разнообразие, технология производства (Underhill 1991: 14). Отдельные попытки выявления социально-экономических аспектов мохэской культуры предпринимались исследователями. Некоторые наблюдения сделаны на основе изучения гончарного производства у мохэ (Дьякова 1984: 134—135). Анализ размеров, расположения мохэских памятников долины р. Раздольной позволил выявить четыре ранга поселений и предварительно определить административные центры (Мезенцев 2007, 2011). Согласно предположению А.Л. Мезенцева, размещение памятников на уровне первой и второй надпойменных террас р. Раздольной может отражать ареал использования пахотных земель и свидетельствовать о невысокой роли земледелия у мохэ, проживавших в данном регионе (Мезенцев 2007: 57—58). Также исследователь обратил внимание на тот факт, что топография бохайских поселений в Уссурийском районе «не имеет ярко выраженных общих традиций с мохэскими поселениями», т.е. ландшафтные ниши двух культур разные (Мезенцев 2014: 215—216).

СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ МОХЭ НА ТЕРРИТОРИИ ПРИМОРЬЯ ПО ДАННЫМ АРХЕОЛОГИИ

Системы расселения изучает поселенческая археология, направление, сформировавшееся за рубежом ещё в 30-х гг. прошлого века. Перед исследователем стоят задачи выявления поселений различных рангов (по площади, количеству построек) и их группировки. Как правило, поселения более низкого уровня группируются вокруг экономических и/или административных центров, что позволяет получить представление об иерархической системе размещения памятников. Поселенческие структуры исследуются с применением различных методик и приёмов: сетка Кристаллера (система центральных поселений), полигоны Тиссена, гравитационный метод и др. В российской археологии они с успехом применялись в регионах с высокой степенью изученности памятников (Афанасьев 1987; Коробов 2016).

Недостаточная степень изученности внутренней структуры мохэских поселений, невозможность проведения хронологической систематизации сооружений и построек на них, а также тот факт, что геоинформационные технологии в археологии региона только начинают применяться, существенно ограничивают использование методов поселенческой археологии для исследований мохэской археологической культуры. Однако имеющиеся материалы археологических разведок позволяют сделать некоторые наблюдения в первом приближении.

Классификация археологических памятников мохэской культуры возможна пока только по ограниченному количеству признаков: наличие или отсутствие укреплений, площадь и топография. Выделяются укрепленные (городища) и неукрепленные (поселения), среди городищ, в соответствии с их площадью, выявлено три размерных ранга. Ранжирование поселений по занимаемой площади — задача дальнейших изысканий.

1. Городища. Уверенно (на основании археологических исследований) можно отнести к мохэской культуре 13 городищ. При их сооружении всегда учитывался рельеф местности, и, как правило, на труднодоступных участках вал не возводился. Высоты, на которых располагались такие памятники, в основном невелики — до 15 м. Исключение составляют городища на правом берегу р. Раздольной, появляющиеся в раннебохайское время на господствующих высотах по краю долины (Никитин 2000: 151). Среди мохэских городищ выделяются три размерных ранга — малые, средние и большие.

Малые городища имеют площадь до 2 тыс. кв. м. К ним относятся Можаяев Ключ, Борисовское, Усть-Соболевское, городище на мысе Тёплом, Таловское, Андреанов Ключ. Они располагались на вершинах небольших сопков, мысах, выступах террас; имели естественную защиту (обрывы, крутые склоны), а с доступных сторон огораживались валами. Ещё три малых городища — Константиновка-4, Павловка и Павловка-2 — были обнесены валами по всему периметру. Фортификация представлена исключительно валами и рвами.

Средние городища имеют площадь 11—22 тыс. кв. м. К этому типу относятся Новоселищенское, Синельниково-1 и Криничное. Новоселищенское и Криничное находятся на небольших высотах Приханкайской низменности. В отличие от них Синельниково-1 располагается на труднодоступной плоской вершине в долине р. Раздольной. Внутренняя структура городищ включает ряды жилых и хозяйственных построек разной площади. На самом крупном городище — Криничное (21 057 кв. м) — зафиксировано 100 западин, часть которых сгруппирована в ряды вдоль валов (Археологические памятники 2014: 363).

Большие городища. К этому типу предположительно относится Петровское. Его площадь составляет около 7 га. Оно находится в южном Приморье, в нескольких километрах от морского побережья, на вершине сопки. Валами, в том числе двойными, защищены лишь легкодоступные участки, с обрывистого края валов нет (Археологические памятники 2008: 350). Памятник существенно отличается от других мохэских городищ значительной площадью и усложнённой системой укреплений (Мезенцев, Бурдонов 2007: 61—66). Стационарные археологические исследования на нём не проводились.

Назвать мохэские городища «центрами власти» (согласно теории центральных мест) пока не представляется возможным, поскольку для таких центров характерно наличие крупных построек, предметов роскоши, что не было найдено или *ещё* не было найдено при исследованиях мохэских городищ.

2. Неукреплённые поселения. На территории Приморья известно более 100 таких поселений мохэской АК. Они представлены долгосрочными поселениями с жилищами в углублённых котлованах, сезонными поселениями охотников и рыболовов (в том числе на островах), поселениями-мастерскими. Все располагались преимущественно на небольших возвышенностях.

В бассейне оз. Ханка поселения находятся на склонах сопок, падей, невысоких мысах; в бассейне р. Раздольной и её притоков — на террасовидных мысах и склонах; на морском побережье для заселения выбирались невысокие прибрежные террасы вблизи от источников пресной воды в подветренных закрытых бухтах. Известны лишь два поселения в пойме рек (Уссурийск-15 и Утёсное-4) (Мезенцев 2014: 214). Таким образом, общим для мохэсцев Приморья был выбор для заселения возвышенных участков, как правило, высотой до 15 м, а в среднем — 6—8 м. Известны два исключения: в бассейне р. Раковки поселения расположены на высотах 30—40 м.

Площадь неукреплённых поселений составляла от 500 до 75 тыс. кв. м. Количество западин — от 1 до 105. Между площадью поселений и числом западин чёткая корреляция отсутствует. Располагаясь компактно, западины могли занимать меньшую площадь по сравнению с поселениями с более разрежённым расположением жилищ. Так, Ярославский-1 имеет 12 западин на площади 12 тыс. кв. м, а Михайловка-2 — 45 западин на площади 10 тыс. кв. м. Часть поселений являются многослойными археологическими памятниками, на которых не проводились стационарные исследования. Это не позволяет уверенно говорить о принадлежности всех жилищ к одному периоду. Наши наблюдения демонстрируют, что мохэские памятники с наибольшим количеством западин зачастую имеют более ранние отложения. Например, на поселении Камышовка-1, где выявлено 105 западин, есть неолитический слой; на поселении Лукашевка-2 с 30 западинами обнаружен слой эпохи палеометалла; на поселении Михайловка-2 (47 западин) также присутствуют неолитические материалы; на поселении Куркуниха часть из 36 западин оставлена носителями кроуновской АК раннего железного века (Ермаков 1989). Данное обстоятельство создаёт проблемы в интерпретации и периодизации мохэских памятников. И их решение едва ли возможно без проведения стационарных археологических исследований.

Картографирование мохэских поселений и изучение их планировки позволяет сделать предварительный вывод о структуре расселения мохэ. Известно несколько скоплений памятников, состоящих из крупного поселения или городища и нескольких небольших поселений вокруг. Такие скопления зафиксированы в долине р. Раздольной (Мезенцев 2007, 2011), в Приханковье. Поселения более низкого уровня группируются вокруг экономических и/или административных центров (иерархическая система размещения памятников).

В качестве примера рассмотрим мохэские поселения в бассейне р. Абрамовки. Здесь известны памятники Абрамовка-5 (площадь — 8 тыс. кв. м, 18 западин), Абрамовка-3 (5 тыс. кв. м, 12 западин), Абрамовка-11 (1 тыс. кв. м, 7 западин) и Лузановский могильник. Расстояние между ними составляет 1—2 км. В 4—5 км к северу от этой группы, на одном из притоков р. Абрамовки, расположены поселения Лукашенкова-1 (площадь — 10 тыс. кв. м, 37 западин) и Лукашенкова-2 (4 тыс. кв. м, 18 западин). Эти небольшие посёлки, по-видимому, тяготели к крупному поселению

Камышовка-1, отстоящему от них на 15 км и насчитывавшему более 100 западин на площади 75 тыс. кв. м. Предварительно выделяется не менее 10 таких «гнезд». Очевидно, их может быть больше.

Жилища. На крупных мохэских памятниках жилища, как правило, располагаются рядами, образуя улицы. Интересной особенностью некоторых поселений является наличие одного-двух жилищ в стороне от основной территории, «на отшибе». Можно предположить, что это связано с особым статусом людей, живших в таких домах. Например, из этнографических исследований известно, что часто в стороне от основного поселения проживали обладатели «опасных», «нечистых» профессий — кузнецы, гончары.

На сегодняшний день в Приморье раскопано более 40 мохэских жилищ. Все они строились в заглублённых котлованах и не имели отопительной системы типа кан. Большинство котлованов углублялись в землю не менее чем на полметра. Зачастую они врезались в склоны, тогда у тыльной части были относительно высокие земляные стены, а передняя являлась наземной. Наибольшие по площади жилища раскопаны на поселениях Усть-Зеркальная-4 (45 кв. м), Раковка-10 (32 кв. м), Михайловка-2 (30,7 кв. м) (Семин 1986, 1986а; Кривуля 2014). Средняя площадь жилищ составляет около 20 кв. м, а наименьшая — 9 кв. м. Форма котлованов прямоугольная или квадратная со скруглёнными углами, стенки вертикальные, иногда слегка пологие. Количество основных столбовых ям в жилищах различается от четырёх до девяти, их расположение варьируется. В некоторых котлованах прослеживается несколько ям (обычно четыре) ближе к центральной части и от одной до четырёх — по углам. Другие сооружения имели ямы только по углам либо только в центре. Кроме того, не все столбы вкапывались в грунт, некоторые ставились на пол котлована и укреплялись камнями, как на поселении Михайловка-2 (Семин 1986а). Радиальное расположение сгоревших плах свидетельствует о четырёхскатной, или шатровой, конструкции крыши. Вдоль стен котлована из тонких жердей сооружался каркас, который обмазывался глиной, о чём свидетельствуют сгоревшие вертикально стоявшие жерди и большое количество горелой обмазки. В некоторых жилищах выход прослеживается в виде выступа в стенке котлована, иногда со ступенькой. Открытые очаги округлой формы располагались в центре сооружения или с небольшим смещением к противоположной от входа стене. Их диаметр варьируется от 50 до 90 см. На поселении Абрамовка-3 в некоторых жилищах обнаружены очаги прямоугольной формы (Кривуля 2015). Такой же формы очаг с дном, выстланным камнями, исследован в жилище поселения Усть-Зеркальная-4 (Семин 1986). В жилище прибрежного памятника Кордон-дровяник очажная яма прямоугольной формы имела небольшой квадратный приямок (Слепцов и др. 2013). Изредка встречаются галечные подсыпки на дне очага. Такой приём зафиксирован на поселениях Осиновка (Окладников 1959) и Михайловка-1 (Кривуля 1989). Ни в одном мохэском жилище не были обнаружены следы ремонта или перестроек, что может указывать на недолгосрочное проживание в поселениях.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
ГОНЧАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Производство — это система, включающая несколько взаимосвязанных компонентов: пространственную и социальную организацию производства, его продукцию, принципы и механизмы её распределения, средства производства (сырьё и технологии), а также самих мастеров — производителей продукции — и потребителей (Costin 2000: 377—378). По археологическим данным чаще всего мы можем выявить лишь некоторые из данных аспектов: организационную форму производства, обжиговые устройства, объём продукции, уровень её стандартизации и разнообразия, наличие развитого обмена или торговли. Характеристика каждого из этих аспектов и позволяет в какой-то мере реконструировать социально-экономическую форму производства (Массон 1976: 59).

Организация гончарного производства. Организационную форму производства характеризуют два основных компонента — тип обжигового устройства и рабочее место гончара (Бобринский 1989). В зависимости от потребностей и возможностей населения, уровня развития производства, рабочее место гончара могло быть постоянным или временным, располагалось в жилище или на специально выделенном участке. Также известно множество типов сооружений для обжига керамики — от простейших очагов до сложных печей большой производительности. Комбинации составляющих этих двух компонентов разнообразны, археологические и этнографические исследования показывают различные варианты их сочетания в разных обществах (Stark 1995; Arnold 1985). Напрямую связывать организационную форму с экономической вряд ли возможно (Бобринский 1991: 28), однако это весьма важный показатель, характеризующий социальную сторону производства и позволяющий зафиксировать уровень развития гончарства.

Следы гончарного производства в эпоху раннего средневековья в Приморье присутствуют лишь на одном мохэском памятнике, расположенном на морском побережье в бухте Троицы (Хасанский район Приморья) (Андреева 1979, 1981). Здесь, на берегу ручья, впадающего в бухту, на расстоянии около 2 м друг от друга найдены остатки 2 гончарных печей. Они размещались в 500 м от поселения (памятник Троица-2). Доказательством того, что этот памятник является производственным комплексом, где происходил весь процесс изготовления сосудов, служат следующие обстоятельства:

1. Присутствие запасов глины. Возле одной из печей в бухте Троицы было отмечено скопление глины светлого цвета. Эти остатки могут быть связаны с отходами производства, образующимися при формовке сосудов; а также могут быть изделиями, потерявшими форму при сушке (Бобринский 1989: 24). Впоследствии данные отходы могли использоваться при подготовке глиняного теста.

2. Наличие двух печей. Из печей, исследовавшихся в бухте Троицы, одна была почти полностью разрушена, другая сохранилась лучше, что и позволило реконструировать её устройство (Андреева, Жушиховская 1986: 74).

Печь являлась двухъярусной, углублённой на 0,8 м. В углублении находилась топка, стенки которой были выложены кусками гранита и обмазаны глиной. Под печи практически не сохранился. Свод был сделан, по-видимому, из растительного каркаса, обмазанного глиной, отверстия для загрузки сосудов и топлива находились с южной стороны. Объём топочной камеры — около 2 кв. м: диаметр печи у дна — 120 см, вверху стенки расширялись, и диаметр составлял 160 см (Андреева 1979, 1981). Что касается верхней части печи, о её высоте можно судить лишь предположительно. Диаметр венчика самого крупного сосуда, найденного возле разрушенных печей, — 44 см, высота такого изделия могла быть около 70 см, значит высота обжигательной камеры составляла около 80 см. Диаметры венчиков сосудов, обнаруженных в печи, — от 7 до 44 см, но в основном — 12—18 см. Как правило, высота сосудов с диаметром венчика 16—18 см равнялась 26—30 см, а с диаметром венчика 7—12 см — 14—22 см. Исходя из средней цифры, приходим к выводу, что в печи одновременно могло находиться около 25 сосудов в один ряд.

Эволюция печей для обжига керамики в Приморье прослеживается на материале археологических памятников начиная с первой половины I тыс. до н.э. (Андреева, Жущиховская 1986: 75; Zhushihovskaya, Nikitin 2017). Гончарные печи в бухте Троицы являются более сложными обжиговыми устройствами по сравнению с печами, обнаруженными на памятниках раннего железного века: поселениях Малая Подушечка, Синие Скалы, Чернятино-2. По мнению ряда исследователей, двухъярусные печи — более высокая стадия развития производства, позволяющая добиваться лучших результатов, по сравнению с одноярусными печами, о чём свидетельствует и качество керамики (Андреева, Жущиховская 1986: 75). Однако качество керамики, обжигавшейся в печах бухты Троицы, невысоко. Например, посуда янковской культуры, обжигавшаяся в более простых однокамерных печах, не только не уступает по качеству мохэской, но и в некоторых случаях превосходит её. Выбранная стратегия обжига должна влиять на характеристику обжигаемой керамики, однако в случае с мохэскими печами очевидного улучшения её качества не произошло. Технические параметры мохэской посуды могли быть достигнуты в более простом устройстве для обжига, даже в обычном костре, но использовалась печь достаточно прогрессивной (сложной) конструкции. Такая печь может обеспечивать высокое качество обжига. Обращает на себя внимание устройство топки: она углублялась в землю, выкладывалась обломками гранита и обмазывалась глиной. Данное техническое решение позволяло, прежде всего, решить проблему большой потери тепла и неравномерного распределения температур по объёму печи (Пигарев 2015: 113). В мировой практике подобные двухъярусные печи достаточно распространены и известны не только по этнографическим наблюдениям, но и по археологическим данным.

Можно предположить, что сооружение такого избыточно сложного устройства не было связано с производством посуды с новыми свойствами, для которой необходим иной метод обжига. Появление и использование таких печей, возможно, обусловили иные факторы. Во-первых, это могло

быть связано с экономическими изменениями, а именно с необходимостью производить стабильное количество продукции с минимальным количеством брака. Во-вторых, нельзя исключать и вероятного переселения с другой территории гончаров, с иными техническими навыками и знаниями.

Таким образом, причина появления печи нового вида, по-видимому, не является частью систематического поиска улучшений в производстве керамики. Возможно, это касается новых социальных потребностей общества и связано с его изменениями в сторону большей сложности, усиления дифференциации.

3. Присутствие следов конструкций, например навеса для подсушивания сосудов. Возле печи в бухте Троицы обнаружены три ямы от столбов диаметром около 25 см; устройство, таким образом, могло являться навесным. Необходимо отметить, что перед печью и, видимо, под навесом имелось углубление, основной функцией которого была защита от ветра. То есть создавались идеальные условия для сушки. Изделия защищались от солнца, дождя и ветра. Как известно, сквозняк представляет наибольшую опасность для подсушиваемых сосудов — возникают трещины, от которых они могут разрушиться, а в холодном или дождливом климате сосуды сушатся дольше. При таких условиях их могли подсушивать у печей (Rice 1987: 152). Навесы возле печей — обычная часть места производства. Они устанавливались для того, чтобы можно было складывать подсушенные изделия перед тем, как поставить их в печку. Такие устройства называют влагозащитными или ветрозащитными. Они делятся на временные и постоянные, а по конструкции — на шалашные и навесные (Бобринский 1978: 115).

4. Наличие инструментов, применявшихся при производстве сосудов. На памятнике обнаружено лоцило на гальке, которое могло использоваться для лощения стенок изделий, остальные инструменты, использовавшиеся в производстве, не сохранились.

5. Косвенным доказательством может служить удобное расположение комплекса: на берегу ручья, рядом с запасами глины и песка, недалеко (около 0,5 км) от поселения, т.е. примерно в 5—7 мин. ходьбы. Расположение печей, а вместе с ними и всего производственного комплекса, в стороне от поселения объясняется, прежде всего, стремлением обезопасить себя от возможных пожаров. Такая ситуация достаточно часто описывается в литературе, в качестве аргумента приводится и то, что профессия гончара в некоторых регионах считалась непрестижной, «грязной» (Rye 1981: 8; Rice 1987: 172).

Разнообразие и стандартизация керамики. Разнообразие — один из факторов, характеризующих уровень развития производства. В мохэской керамике, с её весьма низкой степенью орнаментации, наиболее показательны в данном отношении формы изделий. Благодаря интенсивным исследованиям мохэских памятников в последние несколько лет мы можем проследить этот аспект и выявить минимальный и максимальный «ассортимент» посуды в жилищах.

По функциональному признаку мохэская керамика может быть разделена на пять категорий:

1. Посуда для хранения твёрдых, сыпучих продуктов.
2. Посуда для хранения жидкостей.
3. Посуда для приготовления пищи.
4. Столовая посуда.
5. Техническая посуда (сосуды с вырезом).

К первой группе могли относиться крупные горшковидные или вазовидные сосуды с широкой горловиной. Ко второй — сосуды с шаровидным или раздутым туловом, возможно также вазовидные ёмкости. К третьей — горшковидные и банковидные ёмкости средних размеров. К столовой посуде относились чаши и миниатюрные сосуды. Техническая посуда представлена ёмкостями с вырезом, предназначенными, вероятно, для сортировки семян (Пискарева 2017). Относительно размерной стандартизации в керамическом производстве, считается, что чем больше разнообразие размеров сосудов, тем сложнее способ производства (Underhill 1991: 15). Среди мохэских сосудов выделяются несколько размерных групп, но границы между ними нечёткие, найдено немного целых крупных ёмкостей.

В жилищах ранних мохэских памятников, например поселения Абрамовка-3, Чернятино-5 (Пискарева 2014), присутствовало от 5 до 10 сосудов (включая и частично сохранившиеся). Отсутствуют крупные сосуды и сосуды с шаровидным туловом. Все изделия, судя по нагару, относятся к категории кухонной посуды, также есть технические ёмкости (с вырезом) и столовая посуда (чаши, «стаканы»). Отсутствие крупных сосудов, предназначенных для хранения, возможно, связано с тем, что такие ёмкости могли изготавливаться из других материалов, например дерева, и не сохранились.

По материалам более позднего памятника — городища Синельниково-1 — хорошо прослеживается, какой состав посуды мог быть необходим одному человеку. Жилые постройки, исследовавшиеся там, имели небольшую площадь (5,5—13,7 кв. м) и, очевидно, были рассчитаны на проживание одного-двух людей. Вероятно, само городище в определённый период существования было своего рода гарнизоном и основной его функцией являлся контроль над долиной реки (Пискарева и др. 2018). Почти все жилища уничтожены пожаром, оставшиеся в них посуда и другие предметы свидетельствуют о том, что они были покинуты в спешке, возможно, из-за внезапного военного нападения. Количество сосудов в жилище в среднем составляло 6—8 экз., но в 4 сооружениях найдено больше 10 ёмкостей, а в одном — 23 сосуда. Жилища с большим количеством сосудов, кроме одного, имели большую площадь по сравнению с остальными. Важно, что при меняющемся количестве ёмкостей, число типов форм было почти одинаковым (4—5). Например, в жилище 1 (раскоп 1) площадью 7,5 кв. м найдено 6 сосудов 4 типов: ёмкость с шаровидным туловом, средних размеров горшковидные сосуды (высотой до 25 см), вазовидный сосуд и чаша. Эти изделия явно составляют необходимый минимум для одного человека. В жилище 7 (раскоп 1) обнаружено 10 сосудов. Данный набор включал: крупные горшковидные сосуды (1 целый, высотой около 40 см, и 2 частично реконструированных), сосуды с шаровидным и раздутым туловом (3 экз.), горшковидные ёмкости средних размеров (2 экз.) и 2 чаши. То есть

при большем количестве сосудов количество типов остаётся таким же, а наличие двух чаш может указывать на проживание двух людей, к тому же и площадь этого сооружения больше — 11,2 кв. м. В тех жилищах, где типов сосудов больше, чем обычно, присутствовали сосуды с вырезом.

На близком по времени поселении Раковка-10 раскопано три жилища. В двух из них найдено по 6 сосудов, а в одном — более 30. Такое значительное количество керамических изделий позволило автору исследования предположить, что данная постройка была своего рода складом готовой продукции (Кривуля 2002). Однако сопоставление всех находок из жилища и их планиграфии показывает следующее: наиболее широко представленной категорией оказались горшковидные ёмкости, в равной мере присутствуют шаровидные и вазовидные сосуды, также найдены три чаши и фрагменты сосуда с вырезом. Все они делятся на те же пять функциональных типов. Судя по наличию нагара, в качестве кухонных использовались горшки объёмом 1—2 л, на крупных сосудах нагара нет. По количеству столовой посуды можно предположить, что в жилище проживали не менее трёх человек. Анализ расположения сосудов показывает, что в основном они размещались в хозяйственной зоне и возле стенок котлована, где, возможно, находились полки, на которых они и стояли. Большое скопление из семи сосудов обнаружено слева от входа, кроме того, там же была найдена зернотёрочная плита. Из этих сосудов пять относятся к горшковидным, один — к вазовидным, один — к ёмкостям с шаровидным туловом (Кривуля 1993: 7—9). Пять сосудов были обнаружены возле очага (Кривуля 1993: 12—14), из них один шаровидный, один вазовидный, два горшковидных и чаша. Вдоль стенок котлована, справа от входа, располагались сосуды с шаровидным туловом, не имевшие нагара. Скопление вазовидных и горшковидных сосудов обнаружено у северной стены жилища (Кривуля 1993: 10—11). Это жилище было оставлено внезапно, и все артефакты сохранились на своих местах. Возможно, некоторые из сосудов могли быть оставлены для обмена или торговли, но несомненно, что большая их часть использовалась обитателями жилища в быту.

Таким образом, набор форм сосудов с мохэских памятников, вероятно, менялся со временем, но оставался небольшим. Прежде всего, он предельно функционален, т.е. рассчитан на все хозяйственные нужды, но не больше — это необходимый минимум.

Гендерный аспект гончарства. По мнению исследователей, начиная с ремесленного способа, производство находится в руках мужчин, а в домашнем производстве чаще бывают заняты женщины (Rice 1987: 183; Underhill 1991: 17). Безусловно, прямые археологические свидетельства о половой принадлежности мохэских гончаров отсутствуют, однако можно высказать ряд предположений по этому поводу на основании общих сведений о хозяйстве мохэ.

Учитывая климатические условия Приморья, справедливо сделать вывод, что гончарство в древности являлось там сезонным занятием. Весь цикл этого производства мог осуществляться в тёплое и малождливое время. К нему относятся летние месяцы, а также сентябрь и начало октября.

Потребность в тёплой сухой погоде для гончарства может создавать так называемый конфликт расписания (*schedule conflict*) (Arnold 1985: 99), т.е. конфликт с другими видами деятельности, прежде всего с земледелием (Hagstrum 2001: 47), а также охотой, рыболовством и собирательством. Сезонное производство посуды не должно было препятствовать этим занятиям. Если же это происходит, то разрешение проблемы — в разделении труда без «конфликта» с другими видами деятельности (Arnold 1985: 103; Hagstrum 2001: 48; Underhill 1991: 206).

Учитывая то, что на летние месяцы в Приморье приходятся земледелие, охота и рыболовство, в которых заняты преимущественно мужчины, напрашивается вывод, что в гончарстве были заняты женщины или мужчины, свободные от этих видов деятельности. В первом случае гончарство может сочетаться с домашними делами (уход за домом, детьми, приготовление пищи). В занятости женщин в гончарном производстве исследователи отмечают следующие положительные моменты (Arnold 1985: 104; Rice 1987: 183):

- 1) гончарство не подразумевает длительного отсутствия в доме;
- 2) это относительно монотонная и не требующая большой концентрации работа, она может прерываться и легко возобновляться;
- 3) данная работа совместима с домашними занятиями, с присмотром за детьми; женщина могла сделать сосуд в любой свободный момент.

Перечисленные характеристики больше подходят для домашнего производства. Обособленно расположенный производственный комплекс в бухте Троицы явно свидетельствует о наличии специализированного гончарства, возможно, с элементами кооперации. Из этнографических исследований известно, что если мужчина занимался гончарством, то ключевым фактором, влияющим на производство, был состав семьи. Интенсивность производства и результат в большой степени зависели от наличия свободных членов семьи, способных взять на себя остальные хозяйственные обязанности (Underhill, 1991: 205). При решении вопроса о размерах семьи, как правило, ориентируются на исследования древних жилищ, важное значение имеют параметры жилой постройки и количество очагов. В мохэской культуре все жилища — однокамерные, площадью в среднем 20 кв. м, с одним очагом. Эти признаки могут указывать на проживание в таком доме малой нуклеарной семьи, включавшей родителей и одного-двух детей. В связи с этим кооперация труда нескольких мастеров существенно облегчает затраты на производство.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ системы расселения мохэ в Приморье демонстрирует относительно высокую плотность поселений, свидетельствующую об освоённости территории. Основным типом поселений являются небольшие посёлки в среднем с 20—25 жилищами. Проживать в них могло приблизительно 100—125 чел. Возводились они на возвышенных участках, склонах сопек,

надпойменных террасах. На некоторых поселениях фиксируется внутренняя структура в виде сгруппированных в ряды жилищ. Отсутствие следов перестроек в жилищах свидетельствует об их существовании в течение одного непродолжительного отрезка времени, после которого они больше не использовались. Возможно, это связано с экстенсивной системой земледелия, когда после нескольких лет эксплуатации окружающих угодий (потенциальная зона земледелия лежит на расстоянии от 500 м до 1 км от поселения) необходим был перенос поселения. Такие схемы хорошо известны по материалам различных регионов, например, раннесредневековой Европы (Wickham 2005: 495—514).

Исключениями являются городища правобережья р. Раздольной, основанные для контроля территории и водного пути. Их наличие свидетельствует о существовании потенциальной опасности и/или указывает на стратегическую важность данной местности. Расположение городищ западного Приморья не на господствующих высотах (Криничное, Новоселищенское) демонстрирует, возможно, их иное назначение.

Развитие производства у мохэ (по крайней мере, гончарного), видимо, находилось на одной из переходных стадий от домашнего производства к ремесленному. Можно предположить, что комплекс в бухте Троицы являлся крупной мастерской, в которой работало несколько человек, может быть мастер с подмастерьями. Она располагалась вдали от поселения или, во всяком случае, за его пределами, при этом рядом не зафиксировано каких-либо капитальных жилых построек. Это позволяет предполагать, что мастерские работали не постоянно, а периодически, во время определённого сезона, скорее всего летом или осенью, когда они производили и вывозили на близлежащие рынки большие партии посуды. Вполне возможно, что такие мастерские обслуживали одно или несколько поселений, находившихся неподалёку друг от друга. Рынок сбыта был ограничен, по-видимому, пределами этих поселений.

ЛИТЕРАТУРА

- Алёшкин, В.А. 1986. *Социальная структура и погребальный обряд древнеземледельческих обществ (по археологическим материалам Средней Азии и Ближнего Востока)*. Л.
- Андреева, Ж.В. 1979. Отчёт об археологических раскопках в бухте Троицы Хасанского района Приморского края. *Арх. ИА РАН*. Р. 1. № 7635.
- Андреева, Ж.В. 1981. Отчёт об археологических исследованиях в Приморье. *Арх. ИА РАН*. Р. 1. № 8720.
- Андреева, Ж.В., Жушиховская, И.С. 1986. Гончарные печи в бухте Троицы. *Методы естественных наук в археологическом изучении древних производств на Дальнем Востоке СССР*. Владивосток: ДВНЦ АН СССР: 68—76.
- Археологические памятники 2008: *Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья Приморья (по материалам исследований 2007 г.)*. Тэджон: Изд-во Ин-та культурного наследия Республики Корея.
- Археологические памятники 2014: *Археологические памятники эпохи палеометалла и раннего средневековья средневековья Приморья. По материалам*

- исследований 2012—2013 гг.* Сеул: Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН; Гос. исследовательский ин-т культурного наследия Республики Корея.
- Афанасьев, Г.Е. 1987. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII—X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). *Археологические открытия на новостройках*. М.: Наука. Вып. 2.
- Бобринский, А.А. 1978. *Гончарство Восточной Европы*. М.: Наука.
- Бобринский, А.А. 1989. Методика изучения организационных форм гончарных производств. *Керамика как исторический источник*. Новосибирск: 12—20.
- Бобринский, А.А. 1991. *Гончарные печи и горны Восточной Европы*. М.: Наука.
- Васильева, И.Н. 1993. *Гончарство Волжской Болгарии в X—XIV вв.* Екатеринбург: УИФ «Наука».
- Дьякова, О.В. 1984. *Раннесредневековая керамика Дальнего Востока СССР как исторический источник IV—X вв.* М.: Наука.
- Ермаков, В.Е. 1989. Отчёт об археологической разведке в Ханкайском районе Приморского края. 1989 г. *Арх. ИА РАН*. Р. 1. № 15234. Л. 72.
- Коробов, Д.С. 2016. *Система расселения алан Центрального Предкавказья в I тыс. н.э. (ландшафтная археология Кисловодской котловины)*. М.; СПб.: Нестор-История. Т. 1.
- Кривуля, Ю.В. 1989. Мохэские памятники Приханкайской низменности (в Приморье). *Проблемы краеведения: тез. докл. конф. «Арсеньевские чтения»*. Уссурийск: УГПИ: 26—27.
- Кривуля, Ю.В. 1993. Отчёт об археологических раскопках на поселении Раковка-10 (Уссурийский район Приморского края) в 1993 г. *Арх. ДВГУ*. Л. 56.
- Кривуля, Ю.В. 2002. Археологические исследования на поселении Раковка-10. *Археология и культурная антропология Дальнего Востока*. Владивосток: Изд-во ДВО РАН: 174—180.
- Кривуля, Ю.В. 2014. Жилища раннесредневекового поселения Михайловка-2. *Азиатско-Тихоокеанский регион: археология, этнография, история*. Владивосток: Дальнаука. Вып. 3: 59—73.
- Кривуля, Ю.В. 2015. Жилища и хозяйственные постройки раннесредневекового поселения Абрамовка-3. *Средневековые древности Приморья*. Владивосток: Дальнаука. Вып. 3: 469—480.
- Массон, В.М. 1976. *Экономика и социальный строй древних обществ (в свете данных археологии)*. Л.: Наука.
- Мастыкова, А.В. 2015. Предисловие. Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные. *Социальная стратификация населения Кавказа в конце античности и начале средневековья: археологические данные*. Мат. межд. науч. конф. М.: 6—9.
- Мезенцев, А.Л. 2007. Борисовская группа мохэских памятников. *Проблемы отечественной истории*. Мат. науч. конф. Уссурийск. Ч. 2: 45—60.
- Мезенцев, А.Л. 2011. Размеры приморских городищ. *Актуальные проблемы археологии Сибири и Дальнего Востока: сб. науч. ст.* Уссурийск: УГПИ: 288—294.
- Мезенцев, А.Л. 2014. Топографическая классификация средневековых сельских поселений в окрестностях Уссурийска. *Традиционная культура востока Азии*. Благовещенск. Вып. 7: 212—217.
- Мезенцев, А.Л., Бурдонов, А.В. 2007. Петровское городище. *Проблемы отечественной истории*. Мат. науч. конф. Уссурийск: УГПИ. Ч. 2: 61—66.
- Никитин, Ю.Г. 2000. Население долины р. Суйфун в предгосударственный период. *История и археология Дальнего Востока. К 70-летию Э.В. Шавкунова*. Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та: 147—152.

- Окладников, А.П. 1959. *Далёкое прошлое Приморья: очерки по древней и средневековой истории Приморского края*. Владивосток: Прим. кн. изд-во.
- Пигарев, Е.М. 2015. *Гончарное производство золотоордынского города Сарай (Селитренное городище)*. Йошкар-Ола: Марийский государственный ун-т.
- Пискарева, Я.Е. 2014. К вопросу о хронологии мохэских памятников Приморья. *Мультидисциплинарные исследования в археологии*. Владивосток: 80—91.
- Пискарева, Я.Е. 2017. О назначении уникальных сосудов раннесредневековых памятников Дальнего Востока. *Россия и АТР*. № 4: 171—185.
- Пискарева, Я.Е., Дорофеева, Н.А., Гридасова, И.В., Клюев, Н.А., Прокопец, С.Д., Сергушева, Е.А., Слепцов, И.Ю. 2018. Культурно-хронологические комплексы городища Синельниково-1 в Приморье в свете новейших исследований. *Россия и АТР*. № 4: 138—160.
- Семин, П.Л. 1986. Мохэский комплекс памятника Усть-Зеркальная-4. *История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии*. М.: Наука. Ч. 2: 219—225.
- Семин, П.Л. 1986а. Отчёт о раскопках поселения Михайловка-2 в Михайловском районе Приморского края. 1985—1986 гг. *Арх. ИА РАН*. Р. 1. № 13436.
- Семин, П.Л., Коломиец, С.А. 2011. Результаты исследования памятника Абрамовка-2 (Лузановский могильник) в Приморье. *Актуальные проблемы Сибири и Дальнего Востока*. Уссурийск: УГПИ: 98.
- Слепцов, И.Ю., Пискарева, Я.Е., Гридасова, И.Е. 2013. Поселение Кордон-дровяник в Лазовском районе Приморского края: результаты раскопок мохэского жилища. *Россия и АТР*. № 2: 173—186.
- Arnold, D. 1985. *Ceramic Theory and Cultural Process*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Costin, C.L. 1991. Craft Specializations: Issues in Defining, Documenting and Explaining the Organization of Production. *Archeological Method and Theory*, no. 3: 1—56.
- Costin, C.L. 2000. The Use of Ethnoarchaeology for the Archeological Study of Ceramic Production. *Archeological Method and Theory*, vol. 7, no. 4: 377—402.
- Costin, C.L. 2001. Craft Production Systems. *Archaeology at the Millennium: a Sourcebook*. New York: Kluwer Academic/Plenum Publisher: 273—327.
- Hagstrum, M. 2001. Household Production in Chaco Canyon Society. *American Antiquity*, vol. 66, no. 1: 47—55.
- Hamerow, H. 2002. *Early Medieval Settlements. The Archeology of Rural Communities in North-West Europe 400—900*. Oxford: Oxford University Press.
- Hamerow, H. 2009. Early Medieval Settlements in Northwest Europe, c. AD 400—900: the Social Aspects of Settlements Layout. *The Archeology of Early Medieval Villages in Europe*. Bilbao: 67—76.
- Li Liu, Xingkan Chen, Yu Kuen Li, Wright, H., Rosen, A. 2004. Settlement Patterns and Development of Social Complexity in the Yiou Region, North China. *Journal of Field Archeology*, vol. 29, no. 1/2: 75—100.
- Rice, P. 1987. *Pottery Analysis. A Sourcebook*. London: The University of Chicago Press, LTD.
- Rye, O.S. 1981. *Pottery Technology. Principles and Reconstruction*. Sydney: Australian National University.
- Shepard, A. 1965. *Ceramics for Archeologist*. Washington.
- Stark, M. 1995. Economic intensification and ceramic specialization in the Philippines: A view from Kalinga. *Research in economic anthropology*, vol. 16: 179—226.
- Underhill, A. 1991. Pottery Production in Chiefdoms: the Longshan Period in Northern China. *World Archaeology*, no. 23: 12—27.
- Wickham, C. 2005. *Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean 400—800*. Oxford: Oxford University Press.
- Zhuschihovskaya, I., Nikitin, Y. 2017. Ancient Ceramics Kilns of the Mantou Type in the Russian Far East. *Archaeological Research in Asia*, no. 11: 77—84.